
Не та весна

Екатерина Лужкова
Не та весна

https://litres.ru/74744037
SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет. Пять лет она жила ожиданием, надеясь на взаимность. Пять лет она строила хрупкие иллюзии, пряча свою боль за искренней улыбкой. Она верила, что его частые, но редкие встречи – это начало чего-то большего. Но весна пришла не для неё.

Он встретил другую. На той самой речке, где когда-то гуляли они. И в тот момент, когда он с горящими глазами рассказал о ней, мир героини рухнул. Теперь она – всего лишь "близкая подруга", "запасной аэродром", а не та, чьё сердце бьётся лишь для него.

Эта история – о хрупкой надежде, которая разбивается вдребезги, о боли неразделенной любви и о том, как важно научиться отпускать, даже когда кажется, что внутри всё замерзло. Сумеет ли она залечить раны и найти себя заново, когда её мир оказался "не той весной"?

Содержание

«Не та весна» 4
ГЛАВА 2. Я ПРОВЕРЯЮ ТЕЛЕФОН КАЖДЫЕ ПЯТЬ МИНУТ 25
ГЛАВА 3. СНЕГ ИДЁТ — Я НЕ ХОЧУ НА КАТОК 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Екатерина Лужкова
Не та весна

«Не та весна»

ПРОЛОГ. "Он сказал это не мне"

Она сидела напротив него и держала чашку так крепко, что побелели костяшки пальцев.

За окном кафе падал снег. Крупные, медленные хлопья опускались на асфальт, на крыши машин, на плечи прохожих. Зима в этом городе всегда приходила внезапно — без предупреждения, без переходного периода. Просто вчера была осень, а сегодня ты просыпаешься и понимаешь: всё покрыто белым, и обратного пути нет.

Как и в этой встрече.

Он сидел напротив, такой же, как всегда. Светлый свитер, чуть растрёпанные волосы, улыбка, которая когда-то казалась ей самым тёплым местом на земле. Он говорил быстро, жестикулировал, смеялся, и его голос перекрывал тихий джаз, льющийся из динамиков над их столиком. Она смотрела на него и не слышала ни слова.

Потому что знала: сейчас он скажет то, что перечеркнёт всё.

— Знаешь, я хотел тебе сказать, — он отставил чашку и посмотрел ей прямо в глаза. — Ты моя самая близкая подруга. Я всегда делюсь с тобой самым важным.

Она кивнула. Где-то внутри неё всё замерло. Она называла это «пять лет ожидания, сжавшихся в одну секунду».

«— Я встретил девушку», — сказал он, и его лицо осветилось светом, которого она никогда у него не видела. — Это случилось этой весной. На речке, понимаешь? Я гулял один, смотрел на воду, и вдруг вижу — она сидит на берегу, плачет. Я подошёл, спросил, что случилось. Мы проговорили шесть часов. С тех пор я не могу без неё.

Она смотрела на него. На его глаза, в которых больше не было той привычной лёгкости. Теперь там было что-то настоящее. Что-то, чего он никогда не чувствовал к ней.

— Я очень рада за тебя, — сказала она, и голос не дрогнул.

Она улыбнулась. Широко, искренне, так, как умеют улыбаться только люди, которые научились прятать боль за зуба-

ми. Она даже не удивилась тому, что не плачет. Удивительно, как долго можно копить слёзы, чтобы в самый важный момент они просто отказались выходить.

— Мы теперь вместе, — продолжал он, не замечая её оцепенения. — Я переезжаю в её город. Всё так неожиданно, так правильно. Ты понимаешь, о чём я?

«Я понимаю, — подумала она. — Я понимаю, что ты никогда не смотрел на меня так. Я понимаю, что пять лет я ждала, что ты скажешь это мне. А ты сказал — но про другую».

Вслух она произнесла: — Я очень за тебя рада.

Он улыбнулся, и в этой улыбке не было ни тени сомнения. Он был счастлив. По-настоящему, впервые, без оглядки. И она видела это так чётко, как видела снег за окном. Белый, чистый, холодный. Как её сердце, которое вдруг перестало биться.

— Ты самая лучшая, — сказал он и накрыл её руку своей ладонью. — Спасибо, что ты есть. Если у меня что-то не сложится с ней… я знаю, что всегда могу прийти к тебе.

И вот тут она почувствовала это.

Боль.

Не ту, что приходит от расставания. Ту, что приходит от осознания: он только что сказал, что она — его запасной аэродром. Что она — вариант, который останется на потом, если с «настоящей» не выйдет. Что она была для него не целью, не мечтой, а просто тёплым местом, куда можно вернуться, если станет холодно.

Она убрала руку и взяла чашку. Кофе остыл. Внутри тоже было холодно.

— У тебя всё будет хорошо, — сказала она. — Ты заслуживаешь счастья.

Он ничего не ответил. Лишь допил свой латте и начал искать ключи от машины. На часах было 21:47. Через десять минут он уедет, и она, возможно, никогда его больше не увидит. По крайней мере — таким. Счастливым. Не её.

Они вышли на улицу. Снег хрустел под ногами, и она вдруг подумала: «Мы ведь тоже когда-то гуляли по снегу. Помнишь? Ты держал меня за руку на катке. Ты говорил, что хочешь видеть меня каждый год. Ты обещал, что вернёшься».

Он не помнил. Он уже стоял у такси, открывал дверцу, и его лицо было обращено в сторону города, где ждала та, другая. Та, с которой он «всё понял за шесть часов».

— Ну, я поехал? — он обернулся и улыбнулся той привычной улыбкой. — Спасибо, что пришла. Ты как всегда — лучшая слушательница.

Она кивнула.

— Пока.

Он сел в такси. Дверь захлопнулась. Машина тронулась и через несколько секунд скрылась за поворотом, растворившись в снежной пелене.

Она стояла одна посреди улицы. Снег падал на её волосы, на плечи, на ресницы. Она смотрела на следы от шин, которые постепенно засыпало белым. И думала о том, что он только что уехал из её жизни — в пятый раз. Но в этот раз он уехал в чужую жизнь. Туда, где она была никем.

Она подняла воротник пальто и медленно пошла в сторону дома.

Снег скрипел под ногами. Где-то вдалеке лаяла собака.

Горели фонари, и их жёлтый свет делал снег тёплым, почти ласковым.

Она шла и думала:

«Пять лет я ждала, что он скажет мне «люблю». Он сказал — но про другую. И что хуже всего — он даже не заметил, что разбил мне сердце. Потому что он никогда не знал, что оно у меня было для него. Он думал, что мы просто друзья. Два человека, которые держатся за руки раз в году. Он не знал, что я жила этим годом. Что я считала дни до встречи. Что я покупала платья, которые ему нравились. Что я училась улыбаться так, чтобы он хотел остаться».

Она остановилась у своего подъезда и подняла голову к небу.

Снег падал на её лицо. Она стояла так несколько минут, слушая тишину. Тишину, которая была громче любых слов.

«Самое смешное, — подумала она, — что я не могу злиться на него. Он не обещал мне ничего. Он был просто добрым. Добрым, лёгким, открытым. Он был собой. Я же себе придумала всё остальное. Я придумала, что его взгляд на катке значил больше, чем просто «ты мне нравишься как друг». Я придумала, что он смотрит на меня, когда я кладу голову

ему на плечо. Я придумала его любовь».

И в этот момент, стоя под снегом, она впервые за пять лет позволила себе признаться в том, в чём не признавалась даже самой себе:

«Он никогда меня не любил. Я просто была рядом. И он был рад этому. Но это не любовь. Это просто привычка. Привычка видеть меня раз в год. И я решила, что привычка — это и есть любовь. А это было не так».

Она вошла в подъезд. Лифт не работал, и она пошла пешком на пятый этаж. Ступеньки скрипели, но она шла, не останавливаясь. В голове крутились обрывки фраз: «Ты единственная, с кем мне спокойно», «Ты королева этого лета», «Жди меня». Она вспомнила, как он провожал её в поезде, как её сердце колотилось, когда он смотрел в глаза, как она думала: «Сейчас. Сейчас он скажет». Но он не говорил. Ни тогда. Ни через год. Ни через два.

Она открыла дверь квартиры, вошла, сняла пальто и села на пол в прихожей.

Спиной к стене.

И только тогда, когда дверь захлопнулась и она осталась

одна, понимая, что его нет, — только тогда она заплакала.

Беззвучно. Судорожно. Словно прорвало плотину, которую она строила пять лет.

Она плакала и шептала в пустоту:

— Я любила тебя. Все эти дни. Все эти годы. А ты даже не знал, что я существую иначе, чем просто твой друг. И теперь ты уехал к той, которую встретил на речке. Ты встретил её там, где мы гуляли с тобой прошлым летом. Ты даже не вспомнил меня. Ты забыл, что мы были там. Что мы были. Что я была.

Она подняла глаза к потолку, вытерла слёзы и вдруг усмехнулась — горько, сквозь слёзы.

«Знаешь, — подумала она, — я ведь могла бы сказать тебе всё это. В кафе. Когда ты рассказывал о ней. Я могла бы сказать: «А помнишь, как мы держались за руки пять лет подряд?» Но я промолчала. Потому что если я скажу — ты увидишь, как я глупа. И я не хочу, чтобы ты знал. Пусть я буду для тебя просто той подругой, с которой было легко. Пусть. По крайней мере, ты будешь вспоминать меня с улыбкой. Не с жалостью».

Она встала с пола и пошла на кухню.

Включила чайник.

Снег за окном падал всё так же тихо и крупно. Она смотрела на него и думала о том, что завтра утром она проснётся и всё равно проверит телефон. Он не напишет. Он сейчас с ней. С той, которую встретил на реке. Он держит её за руку, и они смотрят на снег. И он, наверное, говорит ей те же слова, которые говорил ей: «Ты единственная».

Она закрыла глаза.

«Я должна была сказать тебе всё раньше. На катке. Весной. В парке. На речке. Я должна была — но я боялась. Я боялась, что ты уйдёшь. А ты всё равно ушёл. Потому что бояться нужно было того, что ты уйдёшь в чужую жизнь. А я боялась, что ты уйдёшь из этой. Глупо. Нет, не глупо. Почеловечески».

Она взяла горячую кружку чая и села у окна. Снег падал на город. Город молчал. В городе жил он — с другой. И не знал, что на этой кухне женщина, которая любила его пять лет, наконец учится отпускать его в тишине.

ЧАСТЬ 1. КРУШЕНИЕ

ГЛАВА 1

. "Пустая квартира и его запах"

Она сидела на полу в прихожей и не знала, сколько прошло времени.

Может, десять минут. Может, час. Снег за окном всё так же падал на подоконник, собираясь белой шапкой у стекла. Где-то на лестничной клетке хлопнула дверь — соседи вернулись домой, смеялись, что-то обсуждали. У них была своя жизнь. У всех была своя жизнь. Даже у него теперь была своя жизнь. Там, где её не было.

Она попыталась встать, но ноги затекли. Пришлось опереться рукой о стену, и ладонь скользнула по холодной краске. Она помнила, как красила эту стену три года назад — в мягкий серый цвет, чтобы было спокойно. Он тогда прислал ей сообщение: «Какой цвет?» Она ответила: «Серый. Как твои глаза». Он прочитал и ничего не написал.

Так началось её привычное: сказать — и не получить ответа.

Она прошла в комнату и остановилась посередине. Квартира казалась чужой. Или это она сама стала чужой себе? Она провела ладонью по спинке дивана — там, где он сидел

в прошлом году, когда приезжал на три дня. Он тогда смотрел телевизор, она готовила пасту, и всё было почти как у настоящей пары. Почти. Он даже сказал: «У тебя уютно». А она тогда внутри закричала: «Это могло бы быть твоим домом!» Но вслух лишь улыбнулась и спросила, не хочет ли он добавки.

Глупая.

Она подошла к шкафу, открыла дверцу и замерла. Там висел его шарф. Он забыл его в прошлом году, когда торопился на такси. Она тогда хотела сказать: «Ты забыл!» — но он уже уехал. А потом она подумала: «Пусть будет у меня. На память». Она хранила этот шарф, как талисман. Как доказательство того, что он здесь был. Что он существует. Что она не выдумала все эти встречи.

Теперь она смотрела на шарф и не могла взять его в руки.

Вдруг она почувствует запах? Вдруг он ещё пахнет его парфюмом, его домом, его жизнью, в которой её так и не оказалось? Она боялась. Боялась, что шарф пахнет им и что она снова разобьётся. И боялась, что шарф уже не пахнет — потому что он выветрился вместе с её надеждами.

Она закрыла шкаф, села на кровать и уставилась в стену.

Где-то глубоко внутри, в самом дальнем углу души, где хранилась пятилетняя тишина, вдруг прозвучал вопрос, который она боялась задать себе все эти годы: «А если бы он знал? Если бы он знал, что ты ждала его, думала о нём, считала дни до встречи — он бы остался? Или он бы всё равно ушёл к той, с речки?»

Ответ пришёл мгновенно. И он был страшным.

Он ушёл бы всё равно. Потому что он не был влюблён в неё. Он был влюблён в свою жизнь, в свою свободу, в свои прогулки по городу и случайные встречи. Она же была для него чем-то статичным — как дерево на обочине, которое всегда стоит на месте, всегда приветливо машет ветвями, но никогда не идёт за ним следом.

Она провела рукой по лицу. Сухо.

Слёзы не шли. Она знала, что это странно — плакать, когда внутри всё рушится, и не мочь выдавить ни одной слезы, когда понимаешь, что всё кончено. Может, она выплакала все слёзы за эти пять лет? Или они просто застыли внутри, превратившись в лёд, который теперь не растопить никакой болью.

Она встала с кровати и пошла на кухню. Чайник остыл. Она включила его снова, вытащила кружку и вдруг заметила, что на столе стоит её телефон. Экран был тёмным. Ни одного уведомления. Она протянула руку, чтобы взять его, и остановилась.

«Что ты хочешь там увидеть? — спросила она себя. — Его сообщение? Что он передумал? Что он понял, что ошибся? Что он вернётся через минуту и скажет: «Извини, я пошутил, это всё неправда, я люблю тебя»?»

Телефон молчал. И она знала — он будет молчать. Потому что он не знает, что она ждала. Он не знает, что для него она ждала. Он просто живёт там, в своём счастье, и даже не подозревает, что оставил за спиной разбитое сердце.

Чайник вскипел. Она заварила чай, села у окна и взяла блокнот, который всегда лежал на тумбочке. С чистого листа она написала:

«5 лет. 5 встреч. 0 слов о любви».

Строка показалась ей слишком сухой. Она перечитала, зачеркнула и написала снова:

«Я ждала тебя 5 лет. Ты не знал. Ты ушёл к другой. И я

не сказала тебе ни слова. Потому что боялась, что ты не выберешь меня. И я оказалась права. Ты не выбрал бы меня. Потому что я была просто твоей остановкой. А ты искал конечную».

Она смотрела на исписанный лист, и вдруг ей стало легче. Словно бы эти слова, выплеснутые на бумагу, перестали быть её тайной и стали просто историей. История, которую она написала для себя.

Она закрыла блокнот, положила его на подоконник и посмотрела на снег за окном. Улица казалась бесконечной. Там, за этим снегопадом, жил он. Он, возможно, пил сейчас кофе с той девушкой или гулял по вечернему городу. Он, возможно, думал о ней, о той, которую встретил на реке. А о ней — нет. Он даже не вспоминал её. Он забыл о её существовании так же легко, как забыл о своих обещаниях вернуться. Не потому что он был плохим. А потому что она сама не дала ему шанса узнать её настоящую — ту, которая ждала, ту, которая любила.

Она взяла телефон, открыла его диалог и начала писать:

«Привет. Я хотела тебе кое-что сказать...»

Пальцы замерли.

Строка зависла, не отправленная. Она смотрела на неё несколько минут, потом стёрла всё и закрыла чат. Если она скажет ему сейчас — это будет выглядеть как слабость. Как мольба. Как «возьми меня, я умоляю». Она не хотела, чтобы он знал её такой — разбитой, слабой, цепляющейся за призрака. Она хотела, чтобы он запомнил её улыбку, её шутки, её спокойствие. Она хотела, чтобы он вспоминал о ней с теплотой, а не с жалостью.

И она решила молчать. Молчать так же долго, как молчала эти пять лет. Только теперь молчание было не про надежду. Оно было про прощание.

За окном завыл ветер, и она подумала о том, что это, наверное, хороший знак. Природа тоже прощается с ней. Снег засыпает всё — и её следы, и его следы, и те пять лет, которые останутся лишь в её памяти.

Она не заметила, как уснула прямо на кухне, положив голову на руки. Снился ей каток. Она стояла на льду, а он мчался к ней, протягивал руку и говорил: «Давай вместе падать?» Она протягивала руку в ответ — и просыпалась. Каждый раз — в пустой квартире, где пахло остывшим чаем и её собственным одиночеством.

Ночью она проснулась несколько раз. Каждый раз она смотрела на телефон, надеясь увидеть его сообщение. Каждый раз экран был чёрным. К утру она перестала проверять.

Она встала, умылась, выпила холодный чай и села за стол. Потом взяла телефон и — без сентиментальности, просто как факт — зашла в его социальные сети. Он ничего не выкладывал. Она знала, что это не потому, что он не счастлив. Это потому, что он счастлив настолько, что не нуждается в чужих лайках. Он просто живёт. В отличие от неё.

Она открыла его страницу, пролистала до прошлого лета, где на его старых фотографиях были они. На одной — он и она сидят на траве у реки. Она тогда казалась себе красивой. Ей казалось, что она светится изнутри. Теперь она смотрела на ту фотографию и видела лишь глупую девочку, которая надеялась.

Она нажала на фото, и её палец завис над кнопкой «удалить».

Пять лет. Пять встреч. Пять раз, когда она могла всё изменить, но боялась. И теперь она не могла изменить ничего — только удалить фотографию. Словно бы этим она могла стереть его из своей жизни, стереть надежду, стереть любовь, которая оказалась односторонней.

Она убрала телефон и не стала ничего удалять.

«Может, когда-нибудь я смогу смотреть на эти фото и не чувствовать боли, — подумала она. — А пока... пусть лежат. Как напоминание о том, что я умела любить. Даже если это никому не было нужно».

Она встала из-за стола и направилась в ванную. Включила воду, подставила руки под горячую струю и смотрела, как вода стекает по пальцам. Она представила, что это — все её надежды, все несбывшиеся мечты, вся боль, которую она носила в себе пять лет. И они утекают в слив.

Зазвонил телефон.

Она выключила воду и побежала в комнату, сердце колотилось где-то в горле. Это был не он. Она не сразу поняла, что разочарование оттого, что звонит не он, сильнее, чем радость от того, что звонит кто-то вообще.

— Алло? — голос её звучал странно, словно она не разговаривала несколько месяцев.

— Привет, — подруга Лена на том конце провода звучала бодро. — Ну, как встреча? У вас всё наконец случилось? Вы

признались друг другу?

Она открыла рот и поняла, что не может вымолвить ни слова.

— Алло? — Лена насторожилась. — Ты там?

— Я, — выдавила она, пытаясь вспомнить, как вообще звучит смех. — Нет, ничего не случилось. Он... он встретил другую. Девушку на реке.

Лена замолчала. Тишина в трубке длилась несколько секунд, которые показались ей вечностью.

— Приедешь? — спросила Лена. — Я сейчас сварю кофе и мы поговорим.

Она хотела отказаться. Она хотела просто лечь и не вставать. Но внутри вдруг возникла какая-то крошечная сила — не та, что держит на плаву, а та, что не даёт утонуть окончательно. Эта сила сказала: «Не оставайся одна. Иначе сойдёшь с ума».

— Хорошо, — ответила она. — Через полчаса приеду.

Она повесила трубку, посмотрела на себя в зеркало. Бледн-

ное лицо, опухшие глаза, странная улыбка, которая напоминала скорее гримасу, чем улыбку. Она не была красивой сейчас. Но она не была и разбитой окончательно. Она была просто человеком, который решил, что должен подняться. Хотя бы для того, чтобы спросить у подруги: «Скажи, я вообще есть? Или я просто придумала себя за эти пять лет?»

Она оделась, накинула пальто, взяла сумку и уже в дверях остановилась. Заглянула в коридор — в тот самый шкаф, где висел его шарф. Она не достала его. Она просто посмотрела на дверцу и сказала тихо, почти неслышно:

— Я ещё вернусь. Не волнуйся. Я тебя не выброшу. Ты — моё напоминание о том, что это было на самом деле. Что он был. Что я была. Что я не выдумала всё это. Но... я не буду брать тебя с собой. Я не хочу, чтобы твой запах мешал мне дышать.

Она закрыла дверь и пошла вниз по лестнице.

Снег на улице почти прекратился. Вместо хлопьев в воздухе кружилась мелкая ледяная крошка, похожая на слёзы, которые застыли, не успев упасть. Она шла, смотрела под ноги и чувствовала, как внутри неё что-то медленно оттаивает. Прямо сейчас, среди холода и этой белой пелены, она вдруг поняла: она не умерла. Сердце бьётся. Дышать можно. Ноги

идут. Она жива. Даже если ей кажется, что её сломали пополам, она всё ещё дышит. И это уже победа.

Она дошла до кафе, где ждала Лена, и остановилась у входа. Покачала головой, сбрасывая снег, и подумала:

«Всё, что мы не сказали друг другу, — останется между нами. Между мной и моим сердцем. Он не узнает. Никогда. Но я буду знать. И я буду жить с этим знанием. Потому что это знание — единственное, что у меня осталось от него».

Она толкнула дверь, и кафе встретило её запахом корицы и кофе. Таким же, каким они пахли в кафе, где он сказал ей: «Я встретил другую». Она вдохнула этот запах и улыбнулась Лене.

— Ну, рассказывай, — сказала Лена, пододвигая чашку. — Я готова слушать. Сколько хочешь.

Она взяла чашку и вдруг поняла: она не хочет рассказывать. Она хочет слушать. Хочет, чтобы кто-то сказал ей: «Ты справишься». Но она знала, что справится сама. Она научилась этому за пять лет тишины.

— Расскажу, — сказала она, делая глоток. — Но только один раз. И больше мы к этому не вернёмся.

И она начала.

ГЛАВА 2. Я ПРОВЕРЯЮ ТЕЛЕФОН КАЖДЫЕ ПЯТЬ МИНУТ

Прошла неделя.

Она перестала считать дни. Вернее, она пыталась перестать, но каждый раз, открывая глаза, она знала, который сейчас день, сколько часов прошло с той минуты, как он закрыл дверцу такси, сколько раз она могла бы ему написать — и не написала.

Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. Десять тысяч восемьдесят минут.

Она знала это число наизусть, как таблицу умножения. Как строчку из песни, которая застряла в голове. Как его голос, который она всё ещё слышала, когда засыпала.

В понедельник она пошла на работу. Сделала вид, что всё в порядке. Кофе, улыбки, планы, проекты. Коллеги даже не заметили, что внутри неё что-то изменилось. Она всегда была тихой, сосредоточенной, немного отстранённой — так что

её молчание не казалось странным. Никто не знал, что она просто ждала, когда на экране телефона загорится уведомление от него.

Он не писал.

Не в понедельник. Не во вторник. Не в среду, когда она пролила на себя кофе и чуть не разрыдалась прямо в офисе, потому что вдруг поняла — он не увидит этого. Ей некому пожаловаться. Некому сказать: «Представляешь, я вся в кофе, ужасный день». Он больше не был тем, кому она могла написать.

Она вспомнила, как раньше они переписывались. Нет, не часто. Между встречами — тишина. Но иногда, раз в несколько месяцев, он мог написать: «Как ты? Вспомнил о тебе». И это простое сообщение становилось для неё событием года. Она перечитывала его десятки раз, пытаясь разглядеть между строк то, чего там не было — намёк, чувство, надежду. Она выстраивала из его коротких фраз целые истории любви. Она была сценаристом, режиссёром и зрителем в одном фильме, где он даже не знал, что играет главную роль.

Теперь он не писал.

Теперь он писал ей в другой город. Той, которую встретил

у реки. И она видела это по его фотографиям, по его улыбке на чужих снимках, по его счастью, которое было таким явным, что даже сквозь экран телефона обжигало её. Она знала, что он делится с той девушкой тем, чем никогда не делился с ней: настоящим теплом, уязвимостью, желанием быть рядом. Он был с ней. С той, которой оказалось достаточно просто оказаться на реке в нужное время.

«А я, — думала она, — я всё время была не в то время. Не на той реке. Не в тот день. Я была везде, но никогда — там, где он мог бы меня разглядеть. И теперь он смотрит на неё и видит будущее. А я осталась в прошлом, в его прошлом, которое он даже не помнит».

В четверг она не выдержала.

Она открыла его страницу. Пальцы дрожали, когда она набирала адрес в поисковой строке. Она знала, что это глупо. Она знала, что это будет больно. Она всё равно это сделала. Потому что боль от незнания была хуже, чем боль от правды.

Его страница была открыта. И там было всё.

Там были фотографии с той девушкой. Длинные волосы, улыбка, глаза, смотрящие на него с обожанием. Они стояли на той самой реке, где они гуляли прошлым летом. Он об-

нимал её за плечи, и его лицо было счастливым. Счастливее, чем она видела его когда-либо.

Она смотрела на это фото и чувствовала, как внутри неё всё переворачивается. Не от боли. От осознания.

«Он никогда не смотрел на меня так, — подумала она. — Я видела его счастливым, но это было другое счастье. Счастье человека, который просто хорошо провёл время. А это — счастье человека, который нашёл свой дом. Он не искал меня. Он искал дом. И нашёл его не во мне».

Она сделала скриншот. Сама не знала зачем. Может, чтобы потом пересматривать и привыкать. Или чтобы запомнить, что любовь не всегда выбирает тех, кто ждёт. Иногда она выбирает тех, кто случайно оказался на берегу.

На следующий день она снова зашла на его страницу.

На этот раз там было новое фото — они целовались на закате. Она закрыла телефон и не открывала его до вечера. А вечером снова открыла — и снова посмотрела. Это было похоже на зависимость. На привычку причинять себе боль, потому что боль была единственным, что связывало её с ним.

Она позвонила Лене.

— Я не могу перестать смотреть на его фотографии, — сказала она в трубку, и голос её звучал устало. — Я знаю, что это глупо. Что я должна заблокировать его, удалить, забыть. Но я не могу. Потому что если я перестану смотреть, перестану знать, что он существует, я останусь совсем одна. В пустоте. Где нет даже его призрака.

— Ты не одна, — сказала Лена. — Ты можешь приехать ко мне. Можем выпить вина, посмотреть глупый фильм, обсудить, какой он идиот. Но не делай этого себе, слышишь? Не превращай его в смысл своей жизни. Он не стоит этого.

— Я знаю, — ответила она. — Я знаю, что он не стоит. Но пять лет, Лена. Пять лет я строила его в своей голове. Я сделала его центром вселенной. Как мне теперь отучить себя от этой привычки? Как перестать думать о человеке, который даже не знает, что я существую иначе, чем просто «та подруга, с которой хорошо гулять»?

Лена молчала. Потом сказала:

— Начни с малого. Не проверяй его страницу сегодня. Хотя бы сегодня. А завтра посмотрим.

Она согласилась. Закрыла телефон и положила его на

стол. Через пять минут она взяла его снова. Через десять — снова открыла страницу. Там не было новых фотографий, но она всё равно пересматривала старые. Она рассматривала его лицо, его руки, его улыбку, которую он дарил не ей. Она пыталась понять, что в нём такого, что заставило её ждать пять лет.

«Он просто был добрым, — поняла она. — Добрым, внимательным, открытым. Он смотрел на меня, когда я говорила. Он запоминал мелочи. Он дарил цветы, венки, поцелуи в щёку. Он был идеальным спутником для прогулок. Но он не был моим. Никогда. Я просто решила, что если он добр со мной, значит, я особенная. А он был добр со всеми».

Она закрыла телефон и встала. Подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Ей показалось, что она постарела за эту неделю. Глаза потухли, плечи опустились, улыбка, которой она улыбалась на работе, была чужой. Она не узнавала себя. Где та девушка, которая ждала его с таким трепетом, которая покупала платья для встреч, которая верила, что однажды он скажет: «Я тебя люблю»? Она умерла. Вместе с ним. С его уходом к другой.

«Нет, — сказала она себе. — Она не умерла. Она спит. И она проснётся. Когда я перестану проверять телефон каждые пять минут. Когда я перестану ждать. Когда я пойму, что он

никогда не был моим. И перестану винить себя за то, что не сказала ему правду. Потому что если бы я сказала — ничего бы не изменилось. Он бы всё равно ушёл. Но я бы знала, что попыталась».

Она села за стол, взяла ручку и снова открыла блокнот. Она решила писать. Не ему — себе. Письма, которые никогда не будут отправлены. Чтобы выплеснуть всё, что копилось внутри. Чтобы хоть немного освободить место для чего-то нового.

Первое письмо она начала так:

«Привет, это я. Та, которая ждала тебя 5 лет. Я хочу сказать тебе всё, что не сказала тогда. Я не хочу, чтобы это было признанием. Я хочу, чтобы это было прощанием. Потому что я поняла: я любила не тебя. Я любила идею тебя. Идею человека, который может быть рядом. Который выбирает меня. Но ты не выбрал. Ты выбрал ту, которую встретил на реке. И ты прав. Она не ждала тебя годами. Она просто была там. И ты пришёл. А я ждала, но не пришла. В нужное время. В нужное место. Я всё делала не так. И теперь я учусь отпускать. Не тебя — себя. Себя из той жизни, где я была просто тенью твоих прогулок. Прощай. И спасибо за 5 дней. Они были лучшими в моей жизни. Даже если для тебя они ничего не значили».

Она перечитала письмо и не заплакала. Она просто сложила листок пополам и убрала в ящик стола. Рядом с другими письмами, которые она когда-нибудь, возможно, сожжёт. А может, оставит на память о том времени, когда она умела ждать.

На следующий день она проснулась и первым делом, как всегда, потянулась к телефону. И остановилась.

«Я могу не проверять, — сказала она себе. — Я могу подождать хотя бы до вечера. И если я выдержу, значит, я на шаг ближе к тому, чтобы перестать нуждаться в нём».

Она убрала телефон в ящик и пошла на кухню. Сделала себе кофе. Завтрак. Включила музыку. И вдруг поняла, что впервые за неделю она не думает о нём целых пятнадцать минут. Пятнадцать минут тишины в голове. Пятнадцать минут свободы от мыслей о нём.

Она улыбнулась. Слабо, но улыбнулась. И подумала: «Может, я справлюсь. Может, я смогу жить без тебя. Я не знаю, сколько времени мне понадобится. Может, год. Может, два. Может, я никогда не смогу смотреть на снег без того, чтобы вспоминать каток. Но я попробую. Ради себя. Ради той девочки, которая ждала тебя и заслужила себе счастливый фи-

нал. Даже если он будет без тебя».

Она допила кофе, взяла телефон из ящика и посмотрела на него. Не открыла. Просто посмотрела. И положила обратно в сумку. Она не проверила его страницу в этот день. И на следующий тоже. Через неделю она зашла туда случайно — и увидела, что он сменил аватарку на фото с той девушкой. Они были обручены. Она смотрела на кольцо на её пальце и чувствовала не боль, а лёгкое сожаление. Сожаление о том, что она потратила пять лет на ожидание, которое оказалось иллюзией. И она подумала:

«Я могла бы быть на её месте. Но я не стала. Потому что я боялась сказать. Потому что я ждала, что он догадается. А он не догадался. И это не его вина. Это моя — что я решила, что любовь можно распознать по молчанию».

Она закрыла телефон, убрала его в сумку и пошла на прогулку. Снегопад закончился, и город сверкал белым, чистым, новым. Она шла по набережной и вдруг заметила группу людей на катке. Они смеялись, падали, помогали друг другу встать. Она остановилась, посмотрела на них и на мгновение представила себя среди них.

Она вспомнила его слова: «Давай вместе падать?» Она не помнила, были ли они такими же счастливыми, как эти люди.

Может, были. Она просто не помнила. И это было хорошим знаком. Память начинала стирать его. Медленно, но начинала. И однажды — она знала — он станет просто человеком, с которым у неё были хорошие дни. Не больше. Не меньше.

Она пошла дальше, оставляя следы на свежем снегу. И думала о том, что, возможно, когда-нибудь она встретит того, кто будет держать её за руку не раз в году, а каждый день. Того, для кого она будет не «подругой», а «домом». Того, кто не заставит её ждать пять лет, потому что сам не сможет ждать и пяти минут, чтобы сказать: «Я тебя люблю».

«Я не буду искать тебя, — подумала она. — Я не буду ждать тебя. Я просто буду жить. Жить так, как если бы ты никогда не существовал. И однажды, когда я перестану думать о тебе каждую секунду, я пойму, что я свободна. Это случится. Это обязательно случится».

Она улыбнулась этой мысли и пошла дальше, в свой новый день.

Там, где его не было. И где ей предстояло научиться быть собой.

ГЛАВА 3. СНЕГ ИДЁТ — Я НЕ ХОЧУ НА КАТОК

Прошло две недели.

Она научилась просыпаться без мыслей о нём. Не всегда, но иногда. Бывали утра, когда она открывала глаза и первым делом думала о том, что нужно купить хлеб, или что сегодня встреча с коллегами, или что за окном опять идёт снег. А потом, через секунду, память подбрасывала ей образ — его улыбку, его голос, его прощальный взгляд в кафе. И она снова падала в ту же яму.

Но она падала уже не так глубоко.

Она заметила это однажды утром, когда включила чайник и вдруг поняла, что он не приснился ей сегодня. Впервые за много ночей. Она не видела его во сне — ни на катке, ни в парке, ни на реке. Просто спала без сновидений, как нормальный человек. И это показалось ей маленькой победой. Крошечной, незаметной для всего мира, но огромной внутри неё.

Она сидела на кухне, пила чай и смотрела в окно. Снег валил третий день подряд. Город превратился в белую пустыню, где исчезли все ориентиры, все дороги, все пути. Она думала о том, что снег, наверное, символичен. Он засыпает всё, что было до. Он даёт шанс начать заново, на чистом, белом листе. И она хотела этим шансом воспользоваться.

В этот день ей позвонила подруга Катя.

— Привет, — голос Кати был бодрым и звонким. — Слушай, мы сегодня идём на каток. Все наши собираются. Ты с нами?

Она замерла.

Слово «каток» ударило в неё как током. Она почувствовала, как внутри всё сжалось, как сердце пропустило удар, как ладони стали влажными. Каток. То самое место, где всё началось. Где он упал рядом с ней. Где он взял её за руку в первый раз. Где он пообещал вернуться через год. И вернулся. И ещё три раза после этого.

— Я... — она запнулась. — Я не знаю. Наверное, я не смогу.

— Почему? — Катя удивилась. — Ты же любишь кататься

ся. Мы будем весело. Горячий шоколад, музыка, падения. Как раньше.

«Как раньше, — мысленно повторила она. — Но раньше был он. Мы катались вместе. И я не знала, что он уедет в другую жизнь. Что он встретит кого-то на реке. Что я останусь одна на льду».

— Я просто не в настроении, — сказала она. — В другой раз.

Катя вздохнула.

— Ты уверена? Мы все будем там. Света, Лена, Илья. Будет весело.

— Уверена, — ответила она. — В другой раз.

Она повесила трубку и поняла, что внутри неё всё дрожит. Она не хотела на каток. Не потому что боялась упасть. Не потому что не любила кататься. Она боялась, что если она придёт на тот самый каток, где они встретились, она увидит его призрак. Его улыбку, его смех, его протянутую руку. Она увидит всё то, чего больше никогда не будет. И она сломается. Окончательно.

Она решила: «Я не пойду. Я не вернусь туда, пока не буду готова. А если я никогда не буду готова — значит, не вернусь вообще. Я не обязана возвращаться в прошлое. Я могу просто смотреть на снег из окна и знать, что там, где он лежит, меня нет. И что это нормально».

В этот день она решила переставить мебель в квартире.

Не потому что она хотела перемен. А потому что ей нужно было занять руки, голову, тело. Нужно было сделать что-то физическое, чтобы перестать думать. Она передвинула диван к другому окну, переставила стол, повесила новую картину, которую купила ещё месяц назад и никак не могла найти ей место. И когда она закончила, она остановилась посреди комнаты и огляделась.

Здесь больше не было места для него.

Не было его шарфа, который всё ещё висел в шкафу, но теперь она старалась не открывать тот шкаф. Не было его фотографий на стенах — она их убрала. Не было его присутствия, которое она так старательно выстраивала все эти годы. Квартира стала её. Только её.

И это было странно. Странно и немного страшно. Потому что она привыкла жить с ним, даже если он не жил с ней.

Привыкла чувствовать его рядом, даже когда он был за тысячу километров. Привыкла представлять его в этом доме, на этом диване, за этим столом. Теперь его не было. И ей нужно было учиться быть в этой квартире одной.

Она села на новый диван и посмотрела в окно. Снег всё падал. Она подумала о том, что он сейчас, наверное, тоже смотрит на снег. Но не один. С той, которую встретил на реке. С той, которая не ждала его годами, а просто оказалась там, где он искал. С той, которая получила то, что она так хотела, даже не прилагая усилий.

«Смешно, — подумала она. — Я ждала тебя долго. Я отказывалась от встреч с другими людьми, я отказывалась от отношений, я отказывалась от себя, потому что была занята ожиданием. А она просто пришла на речку и села плакать. И ты подошёл. Ты выбрал ту, которая не ждала. Ты выбрал случайность, а не ожидание. И, наверное, ты прав. Потому что ожидание — это не любовь. Это страх. Страх ошибиться. Страх сказать. Страх потерять. И ты потерял меня, потому что я боялась. И я потеряла тебя, потому что не сказала. Но теперь я вижу: это был не проигрыш. Это был урок. Очень важный урок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.